

бы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть—и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка ²⁴⁾.

Человѣкъ, любящій такую любовь, не знаетъ страданій, ибо онъ отрекся отъ животной личности, съ которою эти страданія сопряжены. Онъ не боится и смерти, ибо онъ знаетъ, что умереть то, что не стоитъ любви, его эфемерная животная личность, но что никогда не прекратится его истинная жизнь, жизнь его любви. Истинно — разумная жизнь любви вѣчна. Толстой вооружается противъ ученія о личномъ безсмертіи. Только люди эгоизма способны воображать какое-то посмертное личное существованіе ²⁵⁾. Въмѣсто безсмертія личной, индивидуальной души онъ учитъ объ иномъ, единственно истинномъ и реальномъ съ его точки зрѣнія безсмертіи. Въ чемъ же оно состоитъ?

Человѣкъ является въ міръ «съ особеннымъ отношеніемъ къ міру», съ разумнымъ *я*, которое «состоитъ въ любви къ одному и нелюбви къ другому» ²⁶⁾. Это разумное *я* есть основа всѣхъ смѣняющихся актовъ сознанія и, будучи опредѣленнымъ отношеніемъ человѣка къ міру, выносится человекомъ «изъ какого-то невидимаго и непознаваемаго нами прошедшаго» ²⁷⁾. Можно назвать это разумное *я* характеромъ, но при этомъ не надо забывать, что основное свойство человѣка, которое называется характеромъ, не происходитъ отъ пространственныхъ и временныхъ условій, но вносится нами въ міръ изъ области внѣпространственной и внѣвременной. Живя въ мірѣ и любя самоотверженною любовью, человѣкъ устанавливаетъ новое и новое отношеніе къ міру ²⁸⁾. Эти-то новыя, устанавливаемые человекомъ отношенія къ міру, эта жизнь развивающагося разумнаго сознанія, выносимаго человекомъ изъ невѣдомаго прошедшаго, и есть подлинная, не умирающая сущность человѣка. Умереть тѣло, уничтожится съ нимъ свя-

²⁴⁾ Ibid. стр. 31.

²⁵⁾ Über Leben, гл. 32.

²⁶⁾ 13 т. стр. 43 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

²⁷⁾ Ibid.

²⁸⁾ Ibid. стр. 49.